

«Вавилонская башня»: теоретический обзор детерминант обыденных представлений о межличностном насилии

Мария М. Родионова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-2246-379X>

Рекомендация для цитирования:
Родионова М. М. (2025) «Вавилонская башня»: теоретический обзор детерминант обыденных представлений о межличностном насилии. *Социология власти*, 37 (3): 13-35
EDN: EKXUTL

For citation:
Rodionova M. M. (2025) "Tower of Babel": A Theoretical Review on the Determinants Shaping Lay Perceptions of Interpersonal Violence. *Sociology of Power*, 37 (3): 13-35

Поступила в редакцию: 31.03.2025;
прошла рецензирование: 16.07.2025;
принята в печать: 20.07.2025
Received: 31.03.2025; Revised:
16.07.2025; Accepted: 20.07.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Несмотря на широкую распространенность и возрастающую популярность, понятие насилия остается неоднозначным и спорным как в повседневном обиходе, так и в академическом дискурсе. Эта статья посвящена межличностному насилию и призвана выявить ключевые факторы, влияющие на то, что люди будут определять как насилие. На основе систематического теоретического обзора существующих эмпирических исследований в данной работе показано, как люди воспринимают и классифицируют насильственные действия в зависимости от характеристики оцениваемой ситуации конфликтного взаимодействия. Продемонстрировано, что индивидуальные характеристики оценивающих оказывают меньшее влияние на обыденные оценки, чем факторы, описывающие оцениваемую ситуацию. Среди этих ситуативных факторов важнейшую роль играет восприятие намерения агента насилия: преднамеренные действия, направленные на причинение вреда, с большей вероятностью классифицируются как насильственные по сравнению с непреднамеренными. Еще одним важным фактором оказывается тип насилия и ассоциированный с ним вред: физическое насилие оценивается как более

серьезное по сравнению с психологическим. Кроме того, на обыденное восприятие насилия влияет наличие оправдывающих действие оснований и моральная оценка поступка. В обыденном восприятии наличие оснований, нормализующих действие, снижает готовность расценивать происходящее как насилие. Более того, обыденная оценка насильственности действия оказывается тесно связана с его обыденной моральной оценкой. В исследовании освещаются различия между обыденными и научными концептуализациями насилия. Показано, что обыденные представления о насилии не менее многогранны, чем научные, но при этом более устойчивы.

Ключевые слова: социальное насилие, систематический обзор, преднамеренное действие, физическое насилие, психологическое насилие, вред, оправдание насилия, моральная оценка насилия

“Tower of Babel”: A Theoretical Review on the Determinants Shaping Lay Perceptions of Interpersonal Violence

Maria M. Rodionova

Higher School of Economics National Research University, Moscow,
Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2246-379X>

Abstract: Despite its high prevalence and increasing popularity, the concept of violence remains ambiguous and contested in both everyday and academic discourse. This article focuses on interpersonal violence and aims to identify the key factors that influence what people will define as violence. Based on a systematic theoretical review of existing empirical research, this paper shows how people perceive and categorize violent acts depending on the characteristics of the evaluated conflict interaction. It is demonstrated that individual characteristics of assessors have less influence on lay evaluations than factors describing the situation being assessed. Among these situational factors, the perception of the intent of the violent agent plays a crucial role: intentional acts aimed at causing harm are more likely to be classified as violent compared to unintentional acts. Another important factor is the type of violence and the harm associated with it: physical violence is rated as more severe than psychological violence. In addition, the existence of justifying reasons and the moral evaluation of the act influence the perception of violence. In lay perceptions, normalization narratives surrounding an action tend to reduce how violent it is judged to be. Furthermore, the perceived violence of an action is closely linked to its lay moral evaluation. The study highlights the differences between lay and scientific conceptualizations of violence. It shows that lay conceptualizations of violence are as multifaceted as scientific conceptualizations, yet are more robust.

Keywords: social violence, systematic review, intentional action, physical violence, psychological violence, harm, justification of violence, moral evaluation of violence

Несмотря на то что смысл понятия «насилие» кажется самоочевидным, обыденные представления о нем кардинально различаются. То, что составляет насилие для одного человека, может рассматриваться другим как часть обычного порядка вещей и *vice versa*. Порой, обсуждая насилие, люди обнаруживают, что говорят будто бы на *разных* языках, наделяя понятие принципиально *разными* смыслами. Это обстоятельство иллюстрирует то, почему за насилием, наряду с другими понятиями политической и социальной науки (Gallie 1956; Collier et al. 2006), закрепляется статус «принципиально оспариваемого» (De Naan 2008). Понятие насилия, в отличие от многих других «принципиально оспариваемых» понятий, представляет особую проблему, поскольку затрагивает нормативные аспекты социальной трансгрессии. Понятие перестает быть однозначным и употребляется для обозначения самых разнообразных социальных ситуаций: от указаний на домашнее и психологическое насилие, ставших привычными для слуха, до более современных указаний на насильственный юмор (Swani et al. 2013) или насильственные мобильности (Balkmar 2018). Свобода в обращении с термином характеризует как обыденный, так и научный дискурсы.

15

В это же время количество как теоретических, так и эмпирических исследований в области социальных наук, посвященных насилию, неуклонно возрастает. Стремясь привести концептуализацию понятия в соответствие со своими исследовательскими задачами, ученые, рассматривающие расширяющийся спектр вопросов, связанных с насилием, производят гетерогенные определения насилия, которые не согласуются друг с другом. Это затруднение достаточно тривиально: предлагая респондентам, например, оценить их отношение к пощечине или к пренебрежению собеседником (или частоту, с которой они сами прибегают к этим действиям или становятся их реципиентами), мы лишь предполагаем, что измеряем именно насилие, хотя достоверно не знаем, определяют ли сами респонденты пощечину и пренебрежение как насилие (Stanko 2003). Исследователи констатируют, что научное сообщество все дальше от консенсуса о том, *что*, собственно, составляет понятие насилия и как отношение к нему, соответственно, должно быть измерено (Blumenthal et al. 1972; Tolan 2007). Радикальное решение, некритически предлагаемое в этом случае, состоит в том, чтобы отказаться от выработанных к настоящему моменту способов концептуализации насилия в научном дискурсе и полностью заместить их обыденными определениями и интуициями (Rucht 2003). Однако, как я постараюсь показать, обыденные представления о «насилии» кажутся самоочевидными и однозначными только на первый взгляд.

Цель настоящей статьи заключается в определении ключевых факторов, которые детерминируют обыденные представления о межличностном насилии и конституируют его обыденные определения. Для этого я предлагаю обратиться к системному теоретическому обзору немногочисленных эмпирических исследований, посвященных поиску детерминант обыденных оценок насилия. Прежде чем приступить к непосредственной теоретической работе, необходимо сделать ряд концептуальных оговорок.

Во-первых, в рамках предлагаемого анализа я ограничиваюсь только ситуациями межличностного насилия, эталонное проявление которого подразумевает социальное взаимодействие между двумя людьми. За рамками рассмотрения я оставляю обыденное восприятие других форм насилия, например межгруппового, классически являющегося предметом изучения социальной психологии, или межгосударственного, рассматриваемого политической наукой. Несмотря на то что некоторые детерминанты обыденного восприятия насилия разных типов могут совпадать — что вполне ожидаемо, коль скоро речь ведется о феноменах схожей природы, — я не претендую на их универсальное описание, фокусируясь на ситуациях межличностного социального взаимодействия.

16

Во-вторых, факторов, которые могут влиять на то, что тот или иной человек посчитает насилием, чрезвычайно много, они неоднородны и учесть их все в рамках одного обзора затруднительно. Тем не менее они могут быть объединены в две крупные аналитические категории. К первой должны быть отнесены *индивидуальные характеристики* человека, оценивающего насилие: пол, уровень образования, личный опыт столкновения с насилием в прошлом, выраженность определенных психоэмоциональных черт и так далее. Ко второй принадлежат *характеристики, присущие оцениваемой ситуации и ее участникам*: предшествующая история взаимодействия потенциальных агента и реципиента насилия, их намерения, характер действия, его исход и так далее. Сравнение вкладов этих двух категорий факторов в объяснение наблюдаемых различий в оценках насилия показывает, что вес индивидуальных факторов (4–9%) существенно меньше тех, что описывают ситуацию (43–45%), подлежащую оцениванию (Triplett et al. 2016, p. 346). В других случаях обнаруживается, что оценки насильственности поступков всецело определяются представлениями людей о самой ситуации, и статистически не связаны с их социально-демографическими характеристиками (Adriaenssen 2020, p. 141–142). Содержательно это означает, что при оценке конфликтных ситуаций, потенциально связанных с манифестацией насилия, люди руководствуются прежде всего их фактическим содержанием и интерпретацией. Можно осторожно предположить, что в ситуации оценивания люди стре-

мятся занять, насколько это возможно, нейтральную позицию и дистанцироваться от собственного опыта. Однако это не означает, что они всегда успешно изолируют влияние своего социального опыта на собственные оценки — например, систематически демонстрируется, что женщины чаще расценивают ситуации как насильственные и в целом оказываются более чувствительны к разным типам насилия (Sikström 2021; Triplett et al. 2016; Kennel, Agresti 1995). В свете вышесказанного наиболее целесообразной представляется в первую очередь теоретическая систематизация и классификация второй группы факторов.

В-третьих, обыденные представления людей о насилии измеряются по-разному. В большинстве случаев для измерения того, считает ли человек ту или иную ситуацию насилием, используется одна из двух шкал оценивания: *дихотомическая* или (*псевдо*)-*интервальная*. В первом случае человеку требуется выбрать из двух вариантов (например, является насилием или не является насилием), во втором — оценить степень насильственности по шкале (например, от нуля до десяти, где ноль означает минимальную насильственность, а десять — максимальную). Вторая стратегия пользуется большей востребованностью в силу сложившейся традиции и не в последнюю очередь из-за требований статистических методов анализа, применяемых в современных эмпирических исследованиях. На практике используются и другие, менее распространенные способы: сумматорные шкалы (Straus et al. 1996; Dilek, Aytolan 2008); свободное ассоциативное перечисление действий, относящихся к насилию (Larsson, Gill 2013; Morgan, Björkert 2006); класс нереактивных методов исследований (Lindgren 2014; Hagemann-White 2008) и психофизиологическое измерение (Carruthers, Taggart 1973; Leiberg et al. 2012). Тем не менее неизвестно, как именно формируется и формулируется обыденная оценка насилия: маркирует ли человек ситуацию в абсолютных категориях (не)насилия, оценивает ли степень ее насильственности в некоем спектре, мысленно сравнивает ее со схожими ситуациями, или вовсе прибегает к нескольким тактикам оценивания параллельно? Это ограничение тем не менее свойственно не только способам измерения обыденных оценок насилия, но и процедуре измерения субъективных оценок как таковой. Стремясь частично компенсировать его, я включаю исследования в систематический обзор вне зависимости от используемых в них способов фиксации обыденной оценки насилия.

Наконец, указание на «обыденный» или «повседневный» характер рассматриваемых представлений и определений отсылает к устоявшейся в научном дискурсе традиции, посвященной изучению отношения людей к широкому кругу феноменов с помощью их обыденных оценок (англ. *lay evaluations*). Может казаться, будто

бы «обыденное» означает здесь простое и банальное, а «научное» — непременно истинное и правильное. Это не так. Различие между обыденными и научными представлениями о насилии проводится для того, чтобы указать на существование двух принципиально несводимых друг к другу дискурсивных областей и не стремится подчеркнуть превосходство одной над другой.

* * *

18

Рассматривая ситуативные факторы, детерминирующие обыденные оценки насилия, я организую их множество в укрупненные смысловые группы. Во-первых, я выделяю *степень преднамеренности действия и намерение* как связанные факторы, поскольку при обыденном оценивании степень преднамеренности действия агента принимается во внимание в связке с планируемым им исходом такого действия. При маркировании ситуации как насильственной люди обращают внимание на то, что было планируемым результатом действия и насколько оно вообще было преднамеренным. Во-вторых, я рассматриваю *характер действия и тип ассоциированного с ним вреда*, обращая отдельное внимание на физические действия и физический вред. При определении того, что является насилием, люди ориентируются на то, что, собственно, произошло, различая ситуации физических и нефизических социальных взаимодействий, которые могут приводить к разным результатам. Физическое взаимодействие в конфликтной ситуации вероятнее повлечет за собой физический вред, а вербальное противостояние скорее причинит психологическое страдание — однако детерминируемые этим обыденные оценки насилия различают и ситуации, когда характер действия и тип вреда оказываются диссоциированы (например, случаи, когда физическое действие приводит и к физическим, и к психологическим последствиям, или случаи, когда физическое действие не приводит к вреду). В-третьих, я рассматриваю ориентацию обыденных оценок на представление *о наличии легитимного основания действия*. При рассмотрении потенциально насильственной ситуации люди обращают внимание на основание, оправдывающее действие. Такими основаниями зачастую являются желательность и неотъемлемость (неизбежность) причинения вреда, представляемые в логике превентивного или ответного действия; например, когда насильственное действие призвано предотвратить больший вред или дать отпор ранее инициированной агрессии. Наконец, я указываю, что в обыденном представлении насилие является *моральной и нормативной категорией*, а значит, практически все факторы, детерминирующие обыденное вос-

приятие хорошего и плохого, приемлемого и предвещательного, также могут объяснить и обыденные оценки насилия.

Подобная классификация носит предварительный характер и может быть расширена, дополнена и уточнена в будущем. В заключении к статье я кратко намечаю еще несколько возможных групп факторов, достойных исследовательского внимания: фигуры агента и реципиента, институциональные ожидания, эффекты фреймирования.

Степень преднамеренности действия и намерение агента

Намерение действия — это один из немногих критериев, в котором между научными и обыденными концептуализациями насилия обнаруживается подобие согласия. Несмотря на то что некоторые исследователи включают в акты насилия чистые случайности или, например, игровое поведение (Lehrner, Allen 2014), зачастую насилие определяется как преднамеренное действие, направленное на причинение вреда (Hamby 2017; Jacquette 2013; Wikström, Treiber 2009). Даже сторонники более скептических взглядов на необходимость интенциональности в теоретическом определении насилия (Bufacchi 2007) не отрицают ее важности в обыденных оценках насилия. Неоднозначные трактовки преступного умысла (лат. *mens rea*), по-прежнему возникающие и активно обсуждаемые в современной правовой традиции, подчеркивают особое положение намерения агента в классификации ситуации.

19

Обыденные оценки действий как насильственных или не имеющих отношения к насилию ориентируются не только на степень преднамеренности действия, представленную в дихотомической логике «случайное» — «преднамеренное», но и на непосредственное содержание намерения, то есть планируемый результат действия, представленный палитрой альтернатив от «оказания помощи» до «причинения вреда». Немногочисленные исследования детерминант обыденных представлений о насилии свидетельствуют о том, что намерение причинить вред оказывается одним из наиболее сильных и устойчивых предикторов в аналитических моделях, объясняющих субъективные оценки насильственности.

Приписываемое агенту намерение оказывается тесно скоррелировано с воспринимаемой степенью насильственности при оценке насилия на телеэкране (Sander 1997, p. 66–67), при этом эффект сохраняется при включении в модель всех контрольных переменных. Когда респонденты предполагают наличие у действующего осознанного намерения, они оценивают действие как более насильственное. Обратный эффект наблюдается для шуточного контекста применения

силы — он отрицательно связан с обыденной оценкой насилия (Sander 1997: 66–67). Еще одна эмпирическая работа обнаруживает, что наличие намерения причинить вред (вне зависимости от того, был ли он в итоге причинен или нет), которое участники приписывали агенту, было положительно связано с их оценкой степени насильственности действия. Это же исследование показывает, что ситуации, которые, по мнению респондентов, ассоциированы с намерением причинить физический вред реципиенту, оцениваются как более насильственные в сравнении с теми, в которых, по их мнению, преобладает намерение причинить эмоциональный вред (Triplett et al. 2016).

Намерение причинить физический вред оказывается, вероятно, важнее, чем непосредственно причинение вреда. Некоторые исследования не обнаруживают различий в оценках между удавшимся и неудавшимся покушением, если они связаны с намерениями причинения вреда; при этом оценки этих ситуаций значительно отличаются от аналогичных, но произошедших случайно или по неосторожности (Trémolière, Djéiouat 2016). Такой паттерн характерен скорее для обыденной оценки предосудительности, и не наблюдается в случае правовой оценки поступков (Cushman 2008). Другие исследования тем не менее обнаруживают различия в обыденных оценках между неудавшимся покушением и успешным причинением вреда (Young et al. 2010).

Таким образом, обыденные оценки насильственности во многом опираются на представление о намерении агента. В тех случаях, когда люди предполагают наличие у агента намерения причинить вред, они оценивают ситуацию как заведомо более насильственную. Ситуации же, в которых сопоставимый ущерб наносится реципиенту случайно, то есть при отсутствии соответствующего намерения, не рассматриваются как проявления насилия. Это важный критерий, который частично объясняет, почему оценки одного и того же действия (например, случайного и специального обжигания другого кипятком) могут дифференцироваться в обыденных представлениях. Намерение, которым обладает и/или которое приписывается агенту, будет частично объяснять разницу в оценках насильственности с виду идентичных социальных ситуаций.

Здесь же обнаруживается проблема и эмпирических исследований, и теоретических концептуализаций насилия — намерение агента остается принципиально недоступным для внешней оценки и предстает предметом обыденной или теоретической реконструкции. Эта проблема — осознанно или нет — эксплуатируется в обыденном дискурсе, когда требуется оправдать причиненный вред, и выражается в широко тиражируемой сентенции «я не специально». Многолетняя судебная практика также убедительно демонстрирует

множественные трудности, сопровождающие процесс доказательства наличия преступного умысла (Parsons 2000).

Эмпирические исследования частично снимают эту проблему, предъявляя в экспериментальных описаниях варьирующуюся информацию о *смоделированном* и поэтому *достоверно известном* намерении агента. Теоретически видится несколько способов рассмотрения обозначенного затруднения: с одной стороны, такой способ предлагают интерпретативные подходы, фокусирующиеся на агенте, социальном действии и его смысле; с другой стороны — подходы, смещающие акценты в пользу структуры, «через» которую действуют агенты (Archer 2003). Так, теория атрибуции (Heider 2013) предполагает, что смысл действия и его дальнейшая оценка во многом определяется мотивом, который ему приписывается; структуралистская же социальная теория (Galtung 1969; Бурдые 1993) фокусируется на эффектах действия и допускает, что, совершая насилие, сам агент может этого не осознавать (и, как следствие, не намереваться прибегнуть к насилию).

Вне зависимости от того, какая стратегия разрешения этого парадокса покажется наиболее предпочтительной, обнаруживается, что обыденное восприятие насилия зависит от представлений о намерении агента, совершающего действие, которое на практике, как я постараюсь показать далее, оказывается практически неотделимо от своих последствий.

21

Физическое действие и ассоциированный с ним физический вред

Одним из ключевых, если не главным, фактором при обыденном маркировании насилия является сам характер действия и его исход. Эта идея логически продолжает предыдущий пассаж: причиненный физический вред чаще всего — хотя, разумеется, не всегда — является результатом преднамеренного физического действия. В обыденном представлении насилие — это в первую очередь физическое действие или такое действие, которое влечет за собой физический вред. Это несколько противоречит тренду, успешшему наметиться в социальных исследованиях, последовательно смещающих фокус в определении насилия к его «метафизическим» основаниям, — будь то свободная воля агентов (Гусейнов 1992, с. 72) или их структурные диспозиции (Galtung 1969). Более того, современная социология допускает включение все большего числа действий в таксономическое определение насилия (Hamby 2017). В ряд с классическим физическим насилием встает психологическое, исключаяющее необходимость физического воздействия одного агента на другого — и, как следствие, их физического соприсутствия. Наси-

лие может проявлять себя в ситуации между субъектами, которые не знакомы и разделены пространственно и темпорально; в случае структурного насилия непосредственный агент насилия физически не воплощен (Sørensen 2014). Исследования же обыденных представлений о насилии систематически показывают, что физический характер действия является неотъемлемой чертой, позволяющей людям судить о том, что происходит именно насилие.

Исследование обыденных спонтанных ассоциаций показывает (Larsson, Gill 2013, p. 293), что дети и подростки, описывая ситуации, которые они считают насилием, упоминают психологическое насилие значительно реже (5–8%), чем межличностное физическое насилие (73–76%). В сравнении с детьми и подростками взрослые люди оказываются чувствительнее к проявлениям психологического насилия (18%), но маркируют его в качестве такового все так же значительно реже, чем физические проявления этого феномена (64%). Обыденная оценка насильственности при включении в модель контрольных переменных (Sander 1997, p. 67) оказывается теснее связана с физическими действиями ($\beta = 0,49$) в сравнении с психологическими ($\beta = 0,27$). Исследование обыденных оценок серьезности различных типов правонарушений также показывает (Adriaenssen et al. 2020, p. 141), что действия, предполагающие непосредственный физический и телесный вред (убийство, изнасилование, вооруженное нападение) оцениваются как более серьезные и насильственные в сравнении с теми, что влекут материальный (ограбление, кража) или косвенный ущерб (корпоративное мошенничество, торговля наркотиками).

В свою очередь, феноменология Эммануэля Левинаса и следующие в ее русле исследователи предлагают теоретическое допущение об абсолютном характере категории насилия: оно выражается в идее, что насилие неквантифицируемо и не существует, соответственно, «большого» и «меньшего» насилия (Evink 2014). Однако проявления физического насилия, вероятно, имеют в обыденных представлениях кумулятивный эффект. Исследование, моделирующее судебное заседание, показывает, что присяжные более склонны выносить смертный приговор в случаях, когда речь идет о большем числе убитых (White 1987).

В своем исследовании Сверкер Сикстрём и его соавторы показывают, что обыденные оценки тяжести психологического насилия стабильно ниже, чем аналогичные показатели для физического насилия (Sikström et al. 2021). В еще одном исследовании Сикстрём и Матц Даль показывают, что, оценивая различные действия, участники эксперимента при прочих равных расценивают физическое и сексуализированное насилие как «более насильственное» в сравнении с психологическим (Sikström, Dahl 2013, p. 8).

Справедливым стало бы замечание о том, что психологическое насилие оценивается как систематически менее насильственное ввиду того, что оно не требует физического соприсутствия людей (и может осуществляться, например, онлайн) и, как следствие, частично нивелирует риски, сопряженные с немедленной эскалацией ситуации насилия до физических форм. Недавнее исследование опровергло это предположение (Wilson, Smirles 2022): ситуации психологического насилия, возникающие в онлайн-коммуникации, оцениваются так же, как и те, что происходят во взаимодействии лицом к лицу, и при этом расцениваются людьми как систематически менее серьезные в сравнении с манифестациями физического насилия. Более того, исследования также обнаруживают, что респонденты расценивают как более насильственные те формы психологического насилия, которые ближе к физическому аспекту действия: например, угрозы причинить физический вред (Álvarez et. al. 2015, p. 384).

Таким образом, несмотря на то что современные исследования постепенно отходят от «классических» концептуализаций насилия, подразумевающих физические действия (Родионова, Смирнов 2022), обыденные оценки насилия во многом формируются именно восприятием его характера: нефизические действия воспринимаются как менее насильственные в сравнении с физическими. Однако даже преднамеренные физические действия, влекущие за собой вред, не всегда классифицируются обывателями как насильственные: при оценке действий они оказываются чувствительны к контексту, который сопровождает его и который я намереваюсь рассмотреть далее.

23

Наличие легитимного основания и оправдание действия

Критерий легитимности становится одним из центральных в концептуализациях насилия, предложенных политической философией, теорией международных отношений и правовой традицией. С одной стороны, стоит отметить оправдывающие насилие основания, рассматриваемые современной теорией справедливой войны: к ним классически относятся логики «превентивного» и «ответного» ударов (Gray 2007; Walzer 2002). С другой стороны, необходимо указать и на легальные основания, которые задействуются при правовой классификации насилия, — это доктрина «двойного эффекта» (действие, имеющее положительные и отрицательные эффекты, если негативные последствия не являются его целью) (Bica 1997) и принцип необходимости и пропорциональности (действие ограничивается только необходимыми мерами и реализуется в соразмерном объеме) (Gardam 2004). Эти способы маркирования насилия предложены и развиты в области международных отноше-

ний и права, а потому закономерен вопрос о том, могут ли они быть прямо перенесены на случаи межличностных взаимодействий.

Некоторые теоретики убедительно показывают, что если преднамеренное физическое действие, направленное на причинение вреда, при этом желательно и неизбежно (Hamby 2017, p. 170), оно не может быть классифицировано как межличностное насилие. К взаимодействиям такого рода относятся, например, самооборона и медицинское вмешательство (Ibid., p. 171). Яркий житейский пример «насилия» во благо приводит Б. Г. Капустин: «Я могу силой воспрепятствовать своему нетрезвому приятелю сесть за руль автомобиля, стремясь предотвратить риск весьма вероятной аварии или ареста его полицией» (Капустин 2003, с. 11) — использование принуждения и даже физической силы, если оно мотивировано благими намерениями, не может считаться, как показывает автор, насилием в полной мере. Обыденные представления о насилии оказываются крайне чувствительны к истории взаимодействия агентов, предшествующей оцениваемой ситуации. Наличие в ней основания, оправдывающего поступок, вне зависимости от его сути, — будь то самооборона, предотвращение большего вреда, традиция и обычай, функциональность насилия — снижает обыденные оценки насильственности.

24

Субъективное представление о наличии «причины для удара, которая делает его нормальным», отрицательно скоррелировано с обыденными оценками степени насильственности действия (Triplett et al. 2016, p. 346). Представление о наличии легитимного основания (вне зависимости от его содержания) для применения силы в оцениваемой конфликтной ситуации, демонстрируемой на телеэкране, также отрицательно связано с обыденными оценками насилия (Sander 1997, p. 66–67). Обыденная оценка допустимости физических наказаний детей возрастает, если наказание производится с целью «остановить ребенка, когда тот совершает опасное действие» (Hazell et al. 2003, p. 58–59).

Исследования судебной практики также показывают, что случаи убийства в результате самообороны расцениваются присяжными как менее серьезные в сравнении с другими типами непреднамеренных убийств (Sousa, Lavery 2023). Предшествующая история взаимодействия оказывается важна, например, при оценке домашнего насилия в суде: в случае, если женщина неоднократно подвергалась насилию со стороны партнера в течение долгого времени, присяжные вынесут ему более строгий приговор; в случае, если такая женщина выступает подсудимой (например, по обвинению в превышении пределов необходимой обороны), она, наоборот, вероятнее получит более мягкий приговор (Bornstein, Nemeth 1999). Обыденная оценка насилия оказывается связана не только с легитимностью действий агента, но и с нелегитимностью его контрагента, то есть реципиента насилия, — недавнее исследова-

ние показывает, что воспринимаемая нелегитимность действий сотрудников полиции повышает одобрение насильственных действий по отношению к ним (Andersen 2023).

К основанию, оправдывающему насилие, относится также прямое или косвенное согласие участников взаимодействия. Примером могут послужить различные единоборства и виды спорта, подразумевающие рукопашный бой, — спортсмены рефлексировать возможность травматизации, но не маркируют соревнования как акты насилия (Andreasson, Johansson 2019). Намеренное причинение физического вреда во время сексуального акта не рассматривается как насилие в случае консенсуальных BDSM-практик, подразумевающих активное согласие всех партнеров (Pitago 2013; Rocha 2016).

В остальных случаях контент-анализ дискурсивных логик оправдания насилия в интимных отношениях показывает, что наиболее оправданными людям представляются формы взаимодействия, позволяющие избежать большего насилия, например, «оскорбить партнера вместо того, чтобы ударить» или «не использовать грубую силу» (Lelaurain et al. 2018). Стратегии оправдания насилия в близких отношениях нередко рассматривают насилие в функциональном ключе: как способ коммуникации или инструмент поддержания романтических чувств (Borochowitz, Eisikovits 2002).

25

Таким образом, обыденная оценка насилия оказывается тесно связана с наличием основания, оправдывающего его: оно становится «насилием во благо» и «насилием по согласию», неизбежным побочным эффектом, желательным и ожидаемым, — и это делает его меньшим насилием в обыденном представлении. Обыденная оценка насилия при этом опирается как на сам факт присутствия оправдывающего основания, так и на его содержание. В этом отношении основание легитимации и обсужденная ранее степень преднамеренности функционируют схожим образом. А это означает, что проблемы, свойственные реконструкции намерения, характерны и для оправдывающих насилие оснований. Дискурсивные основания, призванные объяснить и оправдать произошедшее насилие — например, в логике «он начал первый» и «она сама виновата», — нередко предъявляются *post factum*. Эти основания нередко ненаблюдаемы, что делает их предметом обыденного восприятия, поддающегося манипуляции. Однако одновременно они подчеркивают, что обыденная оценка насилия чувствительна и к моральному измерению поступка.

Моральная предсудительность и нормативный аспект насилия

Теоретический дискурс о насилии часто пренебрегает нормативным измерением насилия. Это может быть естественным следстви-

ем попытки исследователей воздержаться от нормативных оценок предмета своего рассмотрения и остаться в русле требуемой от них объективности. Так или иначе, насилие теоретизируется, за редкими исключениями (Holmes 1973; Runkle 1976; Wuskoff 2013), во многом технически и инструментально, как если бы оно возникало из ничего, — то есть в отрыве от той ситуации конфликта моральной природы, которая сопровождает его.

Эту проблему обнаруживает и пытается частично преодолеть Дональд Блэк. В своей работе «Моральное время» он утверждает, что всякое насилие возникает в результате слишком стремительных или слишком кардинальных изменений в социальном времени (Black 2011). Под ним, в свою очередь, он подразумевает три измерения морального времени: реляционное, вертикальное и культурное (Black 2011). Под реляционным временем подразумеваются изменения социального расстояния, например, ссора близких друзей или внезапная интимная близость; под вертикальным временем понимаются изменения социальной стратификации, например, внезапные позитивные и негативные изменения в уровне благосостояния или статусе; под культурным — изменения идентичности, например, новые нормы или противоречивые ценности. Объяснительная модель, предложенная Блэком, предполагает, что обыденное восприятие насилия оказывается детерминировано резкими изменениями морального времени: например, в случаях резкого сближения незнакомцев или если ранее маргинализованная группа стремительно становится привилегированной. Теория находит ряд косвенных эмпирических подтверждений. Экспериментальное исследование показывает, что при прочих равных обыденная оценка насилия оказывается выше для потенциально конфликтных социальных взаимодействий между незнакомцами, чем между знакомыми людьми (Barlow 2013, p. 60–62). Некоторые исследования показывают, что люди оказываются менее толерантны к применению силы по отношению к незнакомцам, чем по отношению к знакомым и приятелям (West 1986, p. 233). Социальные отношения между оценивающим и участниками ситуации также влияют на оценки насилия: демонстрируется, что люди охотнее маркируют как насилие действия, совершенные незнакомцем, чем их другом (Mead, Kelty 2021).

Обыденные оценки насилия, таким образом, оказываются чувствительны к моральному измерению манифестации насилия. Это объяснимо: теории, предметом которых становятся моральные суждения людей, показывают, что представления о «хорошем» и «плохом» детерминированы тем, насколько оцениваемое действие соответствует моральным ожиданиям (Hauser 2006), — и коль скоро насилие нарушает нормативные ожидания, оно будет рас-

цениваться как моральная трансгрессия. Ранние исследования, моделирующие вердикты суда присяжных, показывают, что моральная гнусность (англ. *heinousness*) насильственных преступлений — определяемая в юридической практике как шокирующая и экстремальная сторона преступления — позитивно связана, при прочих равных, с более строгими вердиктами присяжных заседателей (Bornstein, Nemeth 1999).

Акты межличностного насилия затрагивают разнообразные моральные основания, по которым классически оцениваются морально-релевантные аспекты социального взаимодействия (Graham et al. 2013): от очевидных оснований заботы и справедливости до лояльности, авторитета и чистоты. Эти основания, согласно теории, принимаются людьми во внимание при оценке неоднозначных социальных ситуаций, к которым относится насилие. Например, нарушение лояльности партнеру, выраженное в измене, оказывается положительно связано с готовностью оправдывать насилие по отношению к изменнику — нарушителю лояльности (Lelaourain et al. 2018). Аналогично люди, разделяющие ценности «чистоты» и «святости», более склонны к оправданию межличностного насилия в семейных отношениях (Ortiz 2023).

27

Более того, систематически показывается, что, как и в случае оценки насильственных действий, оценивая морально-неоднозначные ситуации, то есть моральные дилеммы, люди полагаются на представления о вреде (Cushman et al. 2006): например, при оценивании вариаций «проблемы вагонетки» при прочих равных, ситуации, влекущие за собой вред, расцениваются хуже, если агенты соприсутствуют в физическом пространстве. В зависимости от наличия намерения причинить вред, с одной стороны, и фактического причинения вреда — с другой, люди задействуют различные системы морального оценивания (Cushman 2008): однако и те, и другие ситуации расцениваются как морально предосудительные.

Оценки насильственности практически всегда оказываются тесно связанными с другими оценками нормативной природы. Например, показано, что субъективные оценки моральной предосудительности, приписывание вины и необходимость наказания тесно положительно скоррелированы между собой (Trémolière, Djeriouat 2016).

Обсуждение

В этой работе я представила систематический обзор ключевых ситуативных факторов, детерминирующих обыденные оценки насилия. Среди выделенных характеристик ситуаций, описывающих межличностное социальное взаимодействие, которые осущест-

влияют наибольший вклад в обыденное восприятие такой ситуации как насильственной, оказываются: степень преднамеренности действия агента и его намерение; характер действия и вред, ассоциированный с ним; наличие основания, оправдывающего действие, и моральная предосудительность действия.

Степень преднамеренности оказывается одним из сильнейших предикторов обыденной оценки насилия. При прочих равных люди оценивают намеренные действия как более насильственные, чем случайные. Планируемый агентом исход действия оказывается, вероятно, даже более важным, чем само наличие намерения: если агент намеревался причинить вред, действие будет вероятнее маркировано как насилие. Обыденное восприятие насилия неразрывно связано с фактором физического вреда. Люди скорее распознают насильственное действие, если оно повлечет за собой телесные повреждения, а не материальный (экономический), психологический или иной ущерб. Обыденная оценка насилия оказывается значительно чувствительнее к наблюдаемым, немедленным и физическим последствиям действия в сравнении со скрытым, отложенным и косвенным вредом. Наличие легитимного основания, оправдывающего насилие, снижает строгость его обыденной оценки. Люди менее склонны маркировать действия как насильственные, если они служат высшей цели, направлены на достижение блага или представляются как «наименьшее зло». Обыденные оценки насилия различаются для намеренного причинения вреда и вреда, являющегося «побочным эффектом» ненасильственного действия, даже если социальные последствия ситуаций в целом идентичны. Насилие оценивается в связанности с более широким нормативным и моральным контекстом ситуации. Во многом обыденная оценка насилия оказывается детерминирована тем, насколько действие нарушает социальные и моральные ожидания.

Я кратко обозначу и *другие ситуативные факторы*, детерминирующие обыденные представления о насилии и не включенные в этот систематический обзор. Для обыденных оценок важно, *кто и по отношению к кому* применяет насилие. Если оно направлено на человека, который воспринимается как более слабый или находящийся в уязвимом положении, — например, женщин, пожилых людей и детей (Triplett et al. 2016; Sikström, Dahl 2023), обыденные оценки степени насильственности оказываются выше. Обыденные оценки насилия оказываются ниже, если такие люди, наоборот, прибегают к насилию (Dutton, Nicholls 2005). Более того, важны *институциональные ожидания*, предъявляемые к участникам ситуации: если насилие является неотъемлемой частью институционально-ролевого комплекса агента — например, в случае полицейского или военного — оно будет реже маркироваться как насилие обывателями (Fiske,

Rai 2014). Нельзя также исключать, что *эффекты, связанные с фреймованием* конфликтной ситуации, оказывают влияние на обыденные оценки насилия (Anderson et al. 2022; Edwards, Arnon 2021): при прямом упоминании насилия или угроз участники будут склонны давать более высокие оценки насильственности.

Существуют также и *другие ситуативные факторы*, детерминирующие оценку насилия и с трудом поддающиеся изучению в строгих лабораторных условиях, в которых испытуемый осведомлен о том, что проводится исследование. Следует предположить, что оценки гипотетических сценариев, представляемых людям в текстовом виде, заведомо отличаются от тех, что они формируют при непосредственном наблюдении или участии в ситуации межличностного насилия. Исследования показывают, что свидетели насилия систематически оценивают его строже, чем участники: и агенты, и реципиенты насилия (Sikström et al. 2021; Sikström, Dahl 2023). Также вероятно, что присутствие свидетелей насилия, остающихся к нему безразличными, снижает готовность человека вмешиваться, равно как и наличие свидетелей насилия, активно ему препятствующих, повышает ее (Latane, Darley 1968; Fisher et al. 2011). Это свидетельствует в пользу того, что, оценивая потенциально насильственную ситуацию, люди ориентируются, помимо прочего, на мнения и действия окружающих.

29

Как я показала ранее, исследования, проводимые в социальных науках, вырабатывают множественные, порой прямо противоречащие друг другу определения и концептуализации насилия; более того, некоторые исследователи предпочитают обращение к обыденным интуициям о насилии (Rucht 2003), но и они не оказываются более однозначными и единообразными. В этих обстоятельствах несколько удивительно, что научный дискурс нередко рассматривает противоречивость обыденных оценок насилия как следствие когнитивных искажений, которым подвержены люди, а значит, как то, что требует просвещенческих интервенций и коррекции (Park-Niggerson et al. 2008; Mihalic et al. 2004). В этой статье я показала, что обыденное восприятие насилия оказывается не настолько пластичным, как дискурс социальной теории. В обыденном представлении по-прежнему четко различаются акты межличностного взаимодействия: например, причинение физического вреда рассматривается как насилие, а причинение психологического и морального вреда значительно реже признается как насилие.

Этот систематический обзор представляет ключевые ситуативные факторы, обуславливающие обыденное восприятие межличностного насилия. Исследования демонстрируют, что все они так или иначе влияют на то, будет ли ситуация взаимодействия рассматриваться как насилие или нет, но, несмотря на это, остается неясным, какие именно факторы оказывают больший эффект на обы-

денную оценку насилия, а какие — меньший. Не в последнюю очередь разногласия в повседневном обсуждении насилия происходят по этой причине: например, для кого-то ключевым становится физический вред, а кто-то обращает большее внимание на наличие оправдывающего основания. В этих условиях особенно важны эмпирические исследования, сравнивающие вклады разных факторов в формирование обыденного представления о насилии.

В их отсутствие можно предположить, что в обыденной концептуализации насилие в межличностном социальном взаимодействии — это преднамеренное физическое действие человека, направленное на причинение физического вреда другому человеку и влекущее его, которое не является при этом оправданным, ожидаемым или необходимым, и нормативно маркируется как предосудительное. Обыденные представления о насилии оказываются менее чувствительны к непреднамеренным действиям и действиям, влекущим моральный ущерб, в то время как современная социальная теория признает их наравне с более конвенциональными определениями понятия.

30

Финансирование / Funding

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

This study was carried out as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

Список источников / References

Бурдьё П. (1993) Социальное пространство и символическая власть. *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, 2, с. 137–150.

Bourdieu P. (1993) Social Space and Symbolic Power. *THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*, 2, pp. 137–150. (in Russ.)

Гусейнов А. А. (1992) Этика ненасилия. *Вопросы философии*, 3, с. 72–81. EDN: QILKJI

Guseinov A. A. (1992) Ethics of Nonviolence. *Russian Questions of Philosophy*, 3, pp. 72–81. (in Russ.).

Капустин Б. Г. (2003) К понятию политического насилия. *Полис. Политические исследования*, 6, с. 6–26. EDN: EVGTSJ. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02>

Kapustin B. G. (2003) Toward a Concept of Political Violence. *Polis. Political Studies*, 6, pp. 6–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.06.02>. (in Russ.)

Родионова М. М. & Смирнов Н. М. (2022) Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 3, с. 6–27. EDN: LOWNBU. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>

- Rodionova M. M. & Smirnov N. M. (2022) The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*, 3, 6–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>. (in Russ.)
- Adriaenssen A., Paoli L., Karstedt S., Visschers J., Greenfield V. A. & Pleysier S. (2020) Public Perceptions of the Seriousness of Crime: Weighing the Harm and the Wrong. *European Journal of Criminology*, 17(2), pp. 127–150. <https://doi.org/10.1177/1477370818772768>
- Álvarez C. D., Aranda B. E. & Huerto J. A. L. (2015) Gender and Cultural Effects on Perception of Psychological Violence in the Partner. *Psicothema*, 27(4), pp. 381–387. <https://doi.org/10.7334/psicothema2015.54>
- Andersen S. S. (2023) Perceived Policy Illegitimacy Leads to Acceptance of Political Violence: Evidence from a Nationally Representative Survey Experiment in Denmark. *Terrorism and Political Violence*, 35(6), 1336–1352. <https://doi.org/10.1080/09546553.2022.2038578>
- Anderson R. E., Namie E. M. C., Michel P. K. & Delahanty D. L. (2022) Study Title-Based Framing Effects on Reports of Sexual Violence and Associated Risk Factors in College Students. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(17–18), pp. NP15359–NP15383. <https://doi.org/10.1177/08862605211016349>
- Andreasson J. & Johansson T. (2019) Negotiating Violence: Mixed Martial Arts as a Spectacle and Sport. *Sport in Society*, 22(7), pp. 1183–1197. <https://doi.org/10.1080/17430437.2018.1505868>
- Archer M. S. (2003) *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139087315>
- Balkmar D. (2018) Violent Mobilities: Men, Masculinities and Road Conflicts in Sweden. *Mobilities*, 13(5), pp. 717–732. <https://doi.org/10.1080/17450101.2018.1500096>
- Barlow A. M. (2013) Sexualities and Conflicting Moralities at Work: An Empirical Test of Black's Theory of Moral Time (Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University). <http://hdl.handle.net/10919/22034>
- Bica C. C. (1997) Collateral Violence and the Doctrine of Double Effect. *Public Affairs Quarterly*, 11(1), pp. 87–92. <https://www.jstor.org/stable/40435975>
- Black D. (2011) *Moral Time*. Oxford University Press.
- Blumenthal M. D., Kahn R. L., Andrews F. M. & Head K. B. (1972) *Justifying Violence: Attitudes of American Men*. Ann Arbor: Institute for Social Research, the University of Michigan. <https://doi.org/10.3886/ICPSR03504.v2>
- Bornstein B. H. & Nemeth R. J. (1999) Jurors' Perception of Violence: A Framework for Inquiry. *Aggression and Violent Behavior*, 4(1), pp. 77–92. [https://doi.org/10.1016/S1359-1789\(97\)00059-1](https://doi.org/10.1016/S1359-1789(97)00059-1)
- Borochowitz D. Y. & Eisikovits Z. (2002) To Love Violently: Strategies for Reconciling Love and Violence. *Violence Against Women*, 8(4), pp. 476–494. <https://doi.org/10.1177/10778010222183170>
- Bufacchi V. (2007) Violence and Intentionality. In *Violence and Social Justice*, Springer, pp. 66–87. <https://doi.org/10.1057/9780230246416>

- Carruthers M. & Taggart P. (1973) Vagotonicity of Violence: Biochemical and Cardiac Responses to Violent Films and Television Programmes. *British Medical Journal*, 3(5876), pp. 384–389. <https://doi.org/10.1136/bmj.3.5876.384>
- Collier D., Daniel Hidalgo F. & Olivia Maciuceanu A. (2006). Essentially Contested Concepts: Debates and Applications. *Journal of Political Ideologies*, 11(3), pp. 211–246. <https://doi.org/10.1080/13569310600923782>
- Cushman F. (2008) Crime and Punishment: Distinguishing the Roles of Causal and Intentional Analyses in Moral Judgment. *Cognition*, 108(2), pp. 353–380. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.03.006>
- Cushman F., Young L. & Hauser M. (2006) The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm. *Psychological Science*, 17(12), pp. 1082–1089. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x>
- De Haan W. (2008) Violence as an Essentially Contested Concept. In *Violence in Europe*, Springer, pp. 27–40. https://doi.org/10.1007/978-0-387-09705-3_3
- Dilek Y. & Aytolan Y. (2008) Development and Psychometric Evaluation of Workplace Psychologically Violent Behaviours Instrument. *Journal of Clinical Nursing*, 17(10), pp. 1361–1370. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2702.2007.02262.x>
- Dutton D. G. & Nicholls T. L. (2005) The Gender Paradigm in Domestic Violence Research and Theory: Part 1 — The Conflict of Theory and Data. *Aggression and Violent Behavior*, 10(6), pp. 680–714. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2005.02.001>
- Edwards P. & Arnon D. (2021) Violence on Many sides: Framing Effects on Protest and Support for Repression. *British Journal of Political Science*, 51(2), pp. 488–506. <https://doi.org/10.1017/S0007123419000413>
- Evink E. (2014) On Transcendental Violence. In *Phenomenologies of Violence*, Brill, pp. 65–80. https://doi.org/10.1163/9789004259782_004
- Fischer P., Krueger J. I., Greitemeyer T., Vogrincic C., Kastenmüller A., Frey D., Heene M., Wicher M. & Kainbacher M. (2011). The Bystander-Effect: A Meta-analytic Review on Bystander Intervention in Dangerous and Non-Dangerous Emergencies. *Psychological Bulletin*, 137(4), pp. 517–537. <https://doi.org/10.1037/a0023304>
- Fiske A. P. & Rai T. S. (2014) *Virtuous Violence: Hurting and Killing to Create, Sustain, End, and Honor Social Relationships*. Cambridge University Press.
- Gallie W. B. (1956) Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*, 56, pp. 167–198. <https://www.jstor.org/stable/4544562>
- Galtung J. (1969) Violence, Peace, and Peace research. *Journal of Peace Research*, 6(3), pp. 167–191. <https://www.jstor.org/stable/422690>
- Gardam J. (2004) *Necessity, Proportionality and the Use of Force by States*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494178>
- Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S. P. & Ditto P. H. (2013) Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism. In *Advances in Experimental Social Psychology*, 47, Elsevier, pp. 55–130. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4>
- Gray C. S. (2007) *The Implications of Preemptive and Preventive War Doctrines: A Reconsideration*. Strategic Studies Institute, US Army War College. <https://press.armywarcollege.edu/monographs/677>

- Hagemann-White C. (2008) Measuring Progress in Addressing Violence Against Women across Europe. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 32(2), pp. 149–172. <https://doi.org/10.1080/01924036.2008.9678784>
- Hamby S. (2017) On Defining violence, and Why It Matters. *Psychology of Violence*, 7(2), pp. 167–180. <https://doi.org/10.1037/vio0000117>
- Hauser M. D. (2006) *Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong*. New York: Ecco.
- Hazel N., Ghate D., Creighton S., Field J. & Finch S. (2003) Violence Against Children: Thresholds of Acceptance for Physical Punishment in a Normative Study of Parents, Children and Discipline. In *The Meanings of Violence*, Routledge, pp. 49–68.
- Heider F. (2013) *The Psychology of Interpersonal Relations*. Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203781159>
- Holmes R. L. (1973) The Concept of Physical Violence in Moral and Political Affairs. *Social Theory and Practice*, 2(4), pp. 387–408. <https://doi.org/10.5840/soctheorpract19732413>
- Jacquette D. (2013) Violence as Intentionally Inflicting Forceful Harm. *Revue Internationale de Philosophie*, 265(3), pp. 293–322. <https://doi.org/10.3917/rip.265.0293>
- Kennel R. G. & Agresti A. A. (1995) Effects of Gender and Age on Psychologists' Reporting of Child Sexual Abuse. *Professional Psychology: Research and Practice*, 26(6), pp. 612–615. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.26.6.612>
- Larsson P. & Gill P. E. (2013) Lay Definitions of Violence among Swedish Children, Teenagers, and Adults. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 22(3), pp. 282–299. <https://doi.org/10.1080/10926771.2013.764954>
- Latane B. & Darley J. M. (1968) Group Inhibition of Bystander Intervention in Emergencies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 10(3), pp. 215–221. <https://doi.org/10.1037/h0026570>
- Lehrner A. & Allen N. E. (2014) Construct Validity of the Conflict Tactics Scales: A Mixed-Method Investigation of Women's Intimate Partner Violence. *Psychology of Violence*, 4(4), pp. 477–490. <https://doi.org/10.1037/a0037404>
- Leiberg S., Eippert F., Veit R. & Anders S. (2012) Intentional Social Distance Regulation Alters Affective Responses Towards Victims of Violence: An fMRI Study. *Human Brain Mapping*, 33(10), pp. 2464–2476. <https://doi.org/10.1002/hbm.21376>
- Lelaurain S., Fonte D., Aim M. A., Khatmi N., Decarsin T., Lo Monaco G. & Apostolidis T. (2018) “One Doesn't Slap a Girl But...” Social Representations and Conditional Logics in Legitimization of Intimate Partner Violence. *Sex Roles*, 78, pp. 637–652. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0821-4>
- Lindgren S. (2014) Giving Online Support: Individual and Social Processes in a Domestic Violence Forum. *International Journal of Web Based Communities*, 10(2), pp. 147–157. <https://doi.org/10.1504/IJWBC.2014.060352>
- Mead C. G. & Kelty S. F. (2021) Violence Next Door: The Influence of Friendship with Perpetrators on Responses to Intimate Partner Violence. *Journal of Interpersonal Violence*, 36(7–8), pp. NP3695–NP3715. <https://doi.org/10.1177/0886260518779598>
- Mihalic S., Fagan A., Irwin K., Ballard D. & Elliott D. (2004) *Blueprints for Violence Prevention*. Washington, DC: Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention.

- Morgan K. & Björkert S. T. (2006) "I'd Rather You'd Lay Me on the Floor and Start Kicking Me": Understanding Symbolic Violence in Everyday Life. *Women's Studies International Forum*, 29(5), pp. 489–498. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2006.07.002>
- Ortiz A. M., Sunu B. C., Hall M. E. L., Anderson T. L. & Wang D. C. (2023) Purity Culture: Measurement and Relationship to Domestic Violence Myth Acceptance. *Journal of Psychology and Theology*, 51(4), pp. 537–556. <https://doi.org/10.1177/00916471231182734>
- Park-Higgerson H. K., Perumean-Chaney S. E., Bartolucci A. A., Grimley D. M. & Singh K. P. (2008) The Evaluation of School-Based Violence Prevention Programs: A Meta-Analysis. *Journal of School Health*, 78(9), pp. 465–479. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1561.2008.00332.x>
- Parsons S. (2000) Intention in Criminal Law: Why Is It So Difficult to Find? *Mountbatten Journal of Legal Studies*, 4(1/2), pp. 5–19. https://pure.solent.ac.uk/ws/portalfiles/portal/24357842/2000_4_1_2_3_.pdf
- Pitagora D. (2013) Consent vs. Coercion: BDSM Interactions Highlight a Fine but Immutable Line. *The New School Psychology Bulletin*, 10(1), pp. 27–36. <https://www.nspb.net/index.php/nspb/article/view/180>
- Rocha J. (2016) Aggressive Hook Ups: Modeling Aggressive Casual Sex on BDSM for Moral Permissibility. *Res Publica*, 22, pp. 173–192. <https://doi.org/10.1007/s11158-015-9291-0>
- Rucht D. (2003) Violence and New Social Movements. In *International Handbook of Violence Research*, Dordrecht: Springer Netherlands, pp. 369–382.
- Runkle G. (1976) Is Violence Always Wrong? *The Journal of Politics*, 38(2), pp. 367–389. <https://doi.org/10.2307/2129540>
- Sander I. (1997) How Violent is TV Violence? An Empirical Investigation of Factors Influencing Viewers' Perceptions of TV Violence. *European Journal of Communication*, 12(1), pp. 43–98. <https://doi.org/10.1177/0267323197012001004>
- Sikström S. & Dahl M. (2023) How Bad is Bad? Perceptual Differences in the Communication of Severity in Intimate Partner Violence. *Humanities and Social Sciences Communications*, 10(1), pp. 1–13. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01578-1>
- Sikström S., Dahl M., Lettmann H., Alexandersson A., Schwörer E., Stille L., Kjell O., Innes-Ker Å. & Ngaosuvan, L. (2021) What You Say and What I Hear — Investigating Differences in the Perception of the Severity of Psychological and Physical Violence in Intimate Partner Relationships. *PLoS one*, 16(8), e0255785. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255785>
- Sørensen M. K. (2014) Foucault and Galtung on Structural Violence. *Irenees.net*, October. URL: https://www.irenees.net/bdf_fiche-analyse-1032_en.html (accessed on 30.03.2025)
- Sousa P. & Lavery G. (2023) Culpability and Liability in the Law of Homicide: Do Lay Moral Intuitions Accord with Legal Distinctions? In *Advances in Experimental Philosophy of Law*, Bloomsbury, pp. 99–132. <https://doi.org/10.5040/9781350278301.0013>
- Stanko E. A. (2003) Introduction: Conceptualising the Meanings of Violence. IN *The Meanings of Violence*, Routledge, pp. 19–32. <https://doi.org/10.4324/9780203986479>
- Straus M. A., Hamby S. L., Boney-McCoy S. U. E. & Sugarman D. B. (1996) The Revised Conflict Tactics Scales (CTS2) Development and Preliminary Psychometric Data. *Journal of Family Issues*, 17(3), pp. 283–316. <https://doi.org/10.1177/019251396017003001>

- Swani K., Weinberger M. G. & Gulas C. S. (2013) The Impact of Violent Humor on Advertising Success: A Gender Perspective. *Journal of Advertising*, 42(4), pp. 308–319. <https://doi.org/10.1080/00913367.2013.795121>
- Tolan P. H. (2007) Defining and Understanding Violence. In *The Cambridge Handbook of Violent Behavior and Aggression*, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316847992>
- Trémolière B. & Djeriouat H. (2016) The Sadistic Trait Predicts Minimization of Intention and Causal Responsibility in Moral Judgment. *Cognition*, 146, pp. 158–171. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2015.09.014>
- Triplett R., Payne B., Collins V. E. & Tapp S. (2016) Does “Violent” Mean “Bad”? Individual Definitions of Violence. *Deviant Behavior*, 37(3), pp. 332–351. <https://doi.org/10.1080/01639625.2015.1026765>
- Walzer M. (2002) The Triumph of Just War Theory (and the Dangers of Success). *Social Research: An International Quarterly*, 69(4), pp. 925–944. <https://doi.org/10.1353/sor.2024.a923109>
- West M. A. (1986) Moral Evaluation and Dimensions of Violence. *Multivariate Behavioral Research*, 21(2), pp. 229–251. https://doi.org/10.1207/s15327906mbr2102_5
- White L. T. (1987) Juror Decision Making in the Capital Penalty Trial: An Analysis of Crimes and Defense Strategies. *Law and Human Behavior*, 11(2), pp. 113–130. <https://doi.org/10.1007/BF01040445>
- Wikström P. O. H. & Treiber K. H. (2009) Violence as Situational Action. *International Journal of Conflict and Violence*, 3(1), pp. 75–96. <https://doi.org/10.4119/ijcv-2794>
- Wilson J. M. & Smirls K. (2022) College Students’ Perceptions of Intimate Partner Violence: The Effects of Type of Abuse and Perpetrator Gender. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(1–2), pp. 172–194. <https://doi.org/10.1177/0886260520908025>
- Wyckoff J. (2013) Is the Concept of Violence Normative? *Revue Internationale de Philosophie*, 265(3), pp. 337–352. <https://doi.org/10.3917/rip.235.0337>
- Young L., Bechara A., Tranel D., Damasio H., Hauser M. & Damasio A. (2010) Damage to Ventromedial Prefrontal Cortex Impairs Judgment of Harmful Intent. *Neuron*, 65(6), pp. 845–851. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2010.03.003>

35

Об авторе / About the author

Родионова Мария Михайловна — преподаватель кафедры анализа социальных институтов НИУ ВШЭ и младший научный сотрудник Лаборатории политико-психологических исследований НИУ ВШЭ в Москве. Научные интересы: исследования насилия, социальная теория, методология факторных опросов.

<https://orcid.org/0000-0002-2246-379X>. E-mail: mmrodionova@hse.ru

Maria M. Rodionova — lecturer at the Department for Social Institutions Analysis and a junior research fellow at the Politics & Psychology Research Laboratory at HSE University, Moscow. Research interests: violence studies, social theory, factorial surveys methodology.

<https://orcid.org/0000-0002-2246-379X>. E-mail: mmrodionova@hse.ru